

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова], архиепископа Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1851 гг.) Годы: 1849–1850] // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 2. С. 407–438 (4-я пагин.). (Продолжение.)

— 407 —

и священникомъ и приказнымъ. Жду—не будетъ-ли какого 1849 г.
нибудь побужденія свыше, отъ Правящаго вселенной и особенно жребіемъ человѣческимъ,—неступить туда или сюда?

Прощайте! Любящій васъ братъ Сергій Царевскій“.

Въ концѣ великаго поста прибылъ въ Москву Высочайшій дворъ по случаю открытія и освященія возобновленнаго Императорскаго Дворца, составляющаго украшеніе Московскаго кремля. Освященіе великолѣпнаго царскаго жилища послѣдовало 3-го апрѣля, въ день свѣтлаго Христова Воскресенія, послѣ литургіи въ дворцовой церкви. Обрядъ освященія совершалъ приснопамятный митрополитъ Московскій Филаретъ и говорилъ при семъ приличную рѣчь. Государь Николай Павловичъ приглашалъ послѣ сего Владыку къ своей царской трапезѣ, но онъ не могъ принять сего приглашенія потому, что долженъ былъ совершать въ Успенскомъ соборѣ позднюю литургію.

Во время свѣтлой седмицы нѣкоторыя изъ Высочайшихъ особъ посѣтили Троицкую лавру и нашу академію.

Прежде всѣхъ, именно 2-го числа, пожаловала къ намъ Великая Княгиня Марія Николаевна. Прибывъ въ лавру въ въ два часа по полудни, въ 7 ч. вечера она посѣтила академію. Чрезъ ректорскіе покои она перешла въ залу собраній, гдѣ Ея Высочеству были представлены наставники и студенты; посѣтила за тѣмъ академическую библіотеку, компаты для занятій и студенческія спальни. Въ 8-мь часовъ слушала въ Троицкомъ соборѣ пасхальную утреню, а на другой день, 7-го числа, выслушавъ литургію и молебень преп. Сергію, въ 10 ч. отправилась въ обратный путь.

11-го ч., въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, прибылъ въ лавру высокопреосвященный митрополитъ для встрѣчи другихъ Августѣйшихъ особъ.

Въ слѣдъ за нимъ, 12-го ч. прибыли сюда Великій князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, Великой кн. Александрой Іосифовной, Вел. князь Николай Николаевичъ и Вел. кн. Ольга Николаевна съ супругомъ. Всѣ они встрѣчены были митрополитомъ во св. вратахъ и привѣтствованы рѣчью. Послѣ краткаго богомолья въ соборѣ и послѣ обозрѣнія лаврской ризницы, они, въ сопровожденіи митрополита, посѣтили, въ 5 часу по полудни, академію. За тѣмъ слу-

1849 г. шали въ Троицкомъ соборѣ всенощную, а на другой день литургію, по окончаніи коей отправились въ обратный путь.

Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

6-го апрѣля писалъ я въ Муромъ протоіерю М. Г. Троепольскому:

„Можетъ быть, вы уже предувѣдомлены чрезъ почтеннѣйшаго А. А. о причинѣ, по которой я не могъ, вмѣстѣ съ нимъ, и вамъ принести мое усерднѣйшее поздравленіе съ настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ. Точно, не смотря на тихую монашескую жизнь, у меня бывають и теперь своего рода недосуги, которые не рѣдко препятствуютъ свободно располагать своими занятіями. Не говоря уже о постоянныхъ, общихъ для всѣхъ насъ, школьныхъ занятіяхъ, которыя не оставляють насъ и въ праздникъ, я имѣю еще теперь особенную частную должность, исполненіе которой относится, впрочемъ, только къ праздничнымъ днямъ. Съ поступленіемъ на старшій курсъ, мнѣ поручено (было) начальствомъ завѣдывать церковною службой по академіи. Сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ узнать предварительно отъ начальства, т. е. отъ ректора, о времени и мѣстѣ Богослуженія, потомъ объявить волю настоятеля сослужащимъ и студентамъ, вытребовать изъ лавры діаконовъ и распорядиться ризницею. Должность сама въ себѣ не трудная, тѣмъ не менѣе однакожъ требуетъ большой аккуратности, а подь часъ можетъ сопровождаться и непріятностями. Впрочемъ, предварительно ознакомившись подь вашимъ руководствомъ съ порядками перковной службы, я съ большимъ удобствомъ могу проходить это монашеское послушаніе, нежели кто-либо другой изъ моихъ собратьевъ—людей, мало опытныхъ въ этомъ отношеніи. И не я одинъ однакожъ несу такую частную должность, есть у насъ и свои особые канонархи тоже изъ студентовъ, свои чтецы и свои пѣвчіе; а для исправленія низшихъ порученій по церковной службѣ—особый служитель изъ постороннихъ людей. Все бы хорошо въ этомъ отношеніи: одно только неудобство—нѣтъ своей особой церкви,—и своихъ діаконовъ.

Въ послѣднемъ случаѣ нашъ курсъ такъ бѣденъ, что нѣтъ ни одного іеродіакона—студента, между тѣмъ какъ іеромонаховъ—трое. Поэтому каждый разъ къ намъ отря-

жаются ієродіаконы изъ лавры, большею частію перемѣнные и, разумѣется, худшіе. Да и настоятели-то наши то и дѣло перемѣняются: то служитъ о. ректоръ, то инспекторъ, то кто-нибудь изъ старшихъ профессоровъ. Отъ этого служеніе наше, особенно въ такіе великіе праздники, каковъ настоящій, бываетъ не совсѣмъ стройно, а это крайне не нравится мнѣ. При семъ невольно воспоминаешь каждый разъ о нашемъ прежнемъ Муромскомъ служеніи. За то тѣмъ пріятнѣе бываетъ присутствовать при лаврскомъ Богослуженіи, которое совершается со всею торжественностію и точностію. О. намѣстникъ—человѣкъ опытный и строгій ревнитель порядка“.

16-го ч. дано было намъ 6-ть темъ для сочиненія, по классу Нравствен. богословія. Вотъ эти темы:

1) „Можно-ли безъ борьбы достигнуть нравственнаго совершенства?“

2) О вліяніи чистой нравственной жизни на даръ прозорливости и предвѣднія.

3) О вмѣняемости сновидѣній, по ученію православной Церкви.

4) Безусловно-ли противна духу христіанской нравственности вѣра въ сны?

5) Имѣеть-ли нравственную цѣну подвигъ послушанія, когда исполняются требованія, которыхъ значеніе и цѣль непонятны для исполняющаго?

6) Есть-ли въ нравственныхъ основаніяхъ социализма что—нибудь согласное съ духомъ ученія Христова?“

Я не писалъ по этому предмету сочиненія, не помню, по какой причинѣ.

19-го ч. писалъ мнѣ Муромскій о. протоіерей Троєпольскій:

„Какъ сходятся наши желанія! я хотѣлъ писать вамъ въ 30-е марта, но отложилъ. Вы—не Іоаннъ. Послѣ Пасхи беру перо—и получаю ваше письмо. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, въ соотвѣтствіе восклицая: воистину воскресе!—пишу къ вамъ нынѣ.

Весьма пріятно знать, что вы имѣете должность, къ которой столь давно способны. А какъ повѣрить вашему объясненію о прежней нашей службѣ, то еще пріятнѣе. Правда, у насъ безъ великолѣнія, но соборное служеніе, поелику еще могу держать въ рукахъ все, доселѣ стройно,

1849 г. какъ слышимъ и отъ другихъ. Что-жь касается до очередной службы, то часто съ удовольствіемъ слышу упрекъ отъ домашнихъ: нѣтъ совѣмъ—де не тотъ, что былъ. Тотъ благочестивъ—безъ фарисейства, сановитъ—безъ вадменія, держалъ себя скромно—безъ притворства, благороденъ—безъ личины, привлекающъ—безъ ханжества, исполнительенъ—безъ излишества и недостатка. Да кто это? Ну что притворяться, будто вы не знаете себя и того...

Далѣе—приходятъ и мнѣ на память великоважные случаи по Мурому, какъ и въ Лаврѣ. Да, со стороны смотрѣть вождельнно, а быть въ отвѣтственности—другое дѣло. Но благодарю за сообщенную новость. На выраженія ваши, противъ письма моего къ вамъ, отвѣтствую тѣмъ, что любовь основанная на познаніи истиннаго достоинства, не можетъ быть не истинною. Что пріятно для васъ, то, большею частію, пріятно и для меня. Впрочемъ, къ писанію принуждаться не нужно, а когда скопятся чувства, тогда они не умедлятъ излиться сами.

Наконецъ, вы раскрываете ваше чувство къ любимому вами Мурому,—такія чувства пріятны, а Богъ располагаетъ. Чѣмъ вы долѣе не увидите Мурома, тѣмъ больше будете ощущать удовольствіе въ желаніи видѣть его. Когда-же довольственнѣе живетъ трудолюбецъ? Когда минетъ маетное лѣто, когда соберутся плоды въ житницу. И ваше посѣщеніе весьма будетъ благовременно по окончаніи жатвы ученія, когда плоды трудовъ сѣси. Годъ съ небольшимъ останется подвига вашего.—Потщитесь для вѣнца воздаянія“.

24 ч., въ воскресенье, вечеромъ посѣщаль академію оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Н. А. Протасовъ вмѣстѣ съ своею супругою. Мы всѣ собраны были въ актовъй заль, отецъ ректоръ обратилъ на меня вниманіе графа.

На слѣдующій день, 25-го ч., его сіятельство былъ у насъ на лекціи бакалавра Н. П. Гилярова-Платопова, по предмету русскаго раскола; лекторъ излагалъ и опровергалъ ученіе раскольниковъ объ антихристѣ. Оставшись довольнымъ лекціею, графъ выходя изъ класса, сдѣлалъ о нашей академіи такой отзывъ:

„Московская академія всегда доставляла намъ ревностныхъ защитниковъ православія. Желаю, чтобъ и настоящее поколѣніе оправдало надежды правительства“.

23-го ч. писалъ я въ Муромъ шурина С. В. Царев-1849 1
скому;

„Вы изъявляете искреннее желаніе поступить въ академію: но опасаетесь, не поздно-ли уже объ этомъ думать? Напрасное опасеніе! Развѣ мой примѣръ не служить для васъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что начинать, или лучше, продолжать учиться доброму никогда не поздно?— Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что вы опустили самый благоприятный случай для вступленія въ академію; при томъ же, два года у васъ были-бы уже впереди: но, если нельзя возвратить прошедшаго, то по крайней мѣрѣ не надобно даромъ губить настоящаго. Если вы надлежащимъ образомъ воспользуетесь тѣмъ временемъ, какое остается еще до слѣдующаго пріемнаго экзамена; то это не только облегчитъ вамъ вступленіе въ академію, но будетъ имѣть, въ случаѣ поступленія, значительное вліяніе и на дальнѣйшія ваши занятія. Но еслибы, послѣ всѣхъ вашихъ приготовленій, вамъ и не случилось быть въ академіи: во всякомъ случаѣ вы не останетесь въ накладѣ. Какіе предметы нужно особенно приготовить для экзамена, объ этомъ подробнѣе можете навѣдаться отъ П. П. Калліопина; я съ своей стороны прибавлю только то, что всего важнѣе и полезнѣе заниматься размышленіемъ и упражняться въ сочиненіяхъ какого бы то ни было рода.

Александрѣ Ивановичу я дѣйствительно говорилъ, что чрезъ два года для васъ труднѣе поступить будетъ въ академію, но не потому, что будто-бы я уже не могу болѣе содѣйствовать вамъ на этотъ разъ (хотя, надобно замѣтить, это содѣйствіе во всякомъ случаѣ должно быть отнюдь не какое-нибудь непосредственно, а не болѣе, какъ только ходатайство предъ начальствомъ о дозволеніи вамъ явиться къ экзамену; на непосредственное содѣйствіе, при вступленіи въ академію, рассчитывать никакъ не должно),—а только потому, что тогда пронесся слухъ, будто количество учащихся въ дух. академіяхъ правительство думаетъ сократить. Если это, въ самомъ дѣлѣ, справедливо, то въ такомъ случаѣ поступленіе въ академію, очевидно, должно быть затруднительное, особенно, если много волонтеровъ явится къ экзамену. Впрочемъ, этимъ много смущаться не надобно; стоитъ только по лучше подготовиться; при принятіи въ

1849 г. академію пачальство обраццаетъ вниманіе не на личности, а на качество отвѣтовъ и преимущественно экспромптовъ.

Но вступить въ академію еще не значитъ совершенно успокоиться: это, напротивъ, только лишь начало подвиговъ и искушеній. Какъ ни спокойна на мой взглядъ жизнь въ академіи; но и здѣсь не мало слышишь жалобъ отъ товарищей. Потому-то болѣе всего я и жалѣю о вашей оплошности, что при мнѣ вы могли бы провести въ академіи два года и спокойнѣе и безопаснѣе. Какія затрудненія и опасности могутъ встрѣтиться для молодаго человѣка въ академіи, объ этомъ писать теперь не стану, а при случаѣ объясню это устно.

Въ заключеніе всего скажу вамъ и то, что хорошо поступить и въ академію; но если, въ теченіи слѣдующаго года, представится вамъ благопріятный случай поступить на какую-нибудь должность, не опускайте этого случая, чтобы послѣ не раскаяваться. Въ академіи можетъ быть спокоенъ только тотъ, кто ищетъ собственно духовнаго образованія; но кто смотритъ на академическое образованіе не болѣе, какъ на средство для достиженія матеріальныхъ цѣлей, тѣ, большею частію, обманываются въ своихъ расчетахъ.

Болѣе сказать вамъ на этотъ разъ ничего не имѣю въ виду.

Остаюсь любящій васъ братъ іеромонахъ Савва“.

30-го числа писалъ мнѣ изъ Вятки въ послѣдній разъ о. Стефанъ (Матвѣевъ), получившій назначеніе на должность инспектора въ Пермскую семинарію:

„Честь имѣю увѣдомить васъ, что я опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ Пермской семинаріи. Опредѣленіе это въ Св. Синодѣ послѣдовало 16-го апрѣля; а въ правленіи Вятской семинаріи получено оффиціальное извѣстіе о семъ 24 мая. Радуюсь моему возвышенію на поприщѣ общественной службы. Радость моя увеличивается еще тѣмъ, что назначенъ инспекторомъ на родину, — въ ту семинарію, гдѣ самъ учился.

Изъ Вятки предполагаю отправиться 10 іюня, а въ Пермь приѣхать 20 іюля. Ибо думаю еще совершить путешествіе по многимъ селамъ Пермской губерніи съ тою цѣлію, дабы имѣть удовольствіе видѣть моихъ родственниковъ.

Путешествовать въ Москву не намѣренъ въ этотъ годъ.

Прошу васъ писать ко мнѣ въ г. Пермь.

Съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорный слуга инспекторъ Пермской семинаріи, магистръ іеромонахъ Стефанъ.

Посылаю вамъ одинъ рубль серебромъ на ваши расходы“.

3-го іюля писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Давно съ услажденіемъ и сердечнымъ умиленіемъ читаю милое письмо ваше, наполненное чистосердечною откровенностію и пріятностію...“

Мое плаваніе по житейскому морю не совсѣмъ-то покойно: случаются противные вѣтры, угрожаютъ потопленіемъ; но всевышній Создатель доколѣ хранитъ и милуетъ: на Него вся моя надежда и упованіе!..

Ахъ, любезнѣйшій другъ! (позвольте такъ назвать себя) если-бы удостоился я повидѣться съ вами, какъ сладко было-бы побесѣдовать и излить предъ вами всю душу и сердечные помыслы! Не будете ли путешествовать въ вакацію въ наши предѣлы Владимірскіе? Не забудьте навѣститъ прежняго вашего знакомца и друга; тогда какою-бы радостію наполнилась душа моя! А если можно, прошу васъ, хоть на всю вакацію, комната для васъ готова,—радушіе и желаніе неизмѣняемы, вѣчны;—рыбки для васъ или поймаетъ или достанетъ! Только если будетъ Ваше къ сему усердіе, прошу васъ извѣстить за нѣсколько по прежде.

Посылаю вамъ три рубля серебромъ въ знакъ любви и расположенія,—употребите хоть на чай.

Другъ мой! напишите мнѣ, какъ вы изволите подвизаться въ монашеской жизни,—какъ обращаетесь съ музами,—и въ какомъ состояніи ваше здоровье? Нѣтъ-ли у васъ чего новенькаго?.. сего жажду, сего желаю...“

Писать болѣе не могу,—путешественники готовы къ исходу,—не взыщите за несвязность“.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 7-го числа:

„Съ открытіемъ весны и появленіемъ благочестивыхъ пилигримовъ въ нашей св. обители, я со дня на день поджидалъ извѣстія отъ васъ,—и вотъ наконецъ надежда не обманула меня. Письмо ваше, и при немъ финансовую записочку я получилъ 5-го іюня: первое читалъ и перечитывалъ съ сердечною любовію. а послѣднюю положилъ въ

1849 г. кошелекъ впредь до употребленія съ умилительнымъ чувствомъ глубокой признательности къ вамъ. Не обинуясь скажу вамъ, что ваше одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, очень благовременно, и потому заслуживаетъ сугубую благодарность.

Обращаюсь къ вашему посланію. Прежде всего вижу изъ него (и слышу изъ устъ писмоподателя), что вы и семейные ваши—всѣ здоровы и благополучны: радуюсь, отъ души радуюсь сему.

Что сказать вамъ о противныхъ вѣтрахъ, угрожающихъ вашему спокойствію? Ничего болѣе не скажу вамъ, какъ только предложу дружескій совѣтъ—почаще обращаться къ псалмамъ Давидовымъ, гдѣ такъ много указывается спасительныхъ средствъ къ укрощенію этихъ губительныхъ вѣтровъ. Не напрасно однакожь такъ сильно желаете вы излить свои чувства и передать задушевные мысли старинному другу. Я самъ бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и по собственному опыту знаю, какъ тяжело таить въ себѣ подобныя чувства и мысли. Душевно желалъ-бы и для вашего удовольствія и для собственной пользы посѣтить васъ, но не знаю, позволятъ-ли обстоятельства. Правда, у меня есть-таки непремѣнное намѣреніе во время вакаціи выѣхать изъ академіи куда-бы то ни было, хотя не надолго. Неподвижная и однообразная жизнь въ теченіе почти двухъ лѣтъ, если еще,—благодареніе Богу,—не изнурила совершенно, но крайней мѣрѣ значительно притупила душевные и физическія силы, и потому чувствую настоятельную потребность освѣжить себя сколько-нибудь перемѣною мѣста и разнообразіемъ предметовъ. И это тѣмъ болѣе пужно, что теперь предстоитъ намъ послѣдній, но главный трудъ (разумѣю курсовое сочиненіе),—трудъ, который потребуетъ усильнѣйшаго вниманія и напряженія всѣхъ силъ.

Для путешествія предполагаю избрать одну изъ двухъ противоположныхъ странъ—Москву или Ростовъ. Если рѣшусь ѣхать въ Москву, то, не удивительно, что надумаю оттуда устремиться и къ вамъ, потому что въ столицѣ отнюдь не надѣюсь найти потребнаго отдохновенія, а только развѣ удовлетворю одному праздному любопытству, если-же почему-нибудь рѣшусь отправиться въ Ростовъ, то уже не знаю, въ состояніи-ли буду удовлетворить вашей просьбѣ,

потому что на этомъ пути имѣю хорошее и надежное пристанище въ Переславлѣ у о. архимандрита Нифонта, гдѣ надѣюсь вполне достигнуть главной своей цѣли—отдохновения. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, особенно въ первомъ, постараюсь предъувѣдомить васъ, но ни въ какомъ случаѣ не совѣтую вамъ много заботиться о приготовленіяхъ къ моему пріѣзду. Для меня не угощеніе необходимо, а радушіе и мирное спокойствіе.

Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? Живу такъ-же, какъ вы видѣли въ прошедшемъ году. Монашество почти нисколько не измѣнило моихъ внѣшнихъ отношеній. По прежнему хожу въ Виванію, гдѣ у меня кругъ знакомства еще болѣе разширился отъ поступленія туда нѣкоторыхъ изъ кончившихъ въ прошедшемъ году курсъ нашихъ студентовъ, изъ коихъ особенно былъ всегда близокъ ко мнѣ С. Г. Вишняковъ.

Здоровье мое не совсѣмъ-то исправно. Вотъ уже около 2-хъ недѣль зубная боль беспокоитъ меня такъ, что не позволяетъ даже ходить въ классъ,—чему, впрочемъ отчасти я и радъ, потому что теперь и здоровому ходить въ классъ, по причинѣ начавшихся повтореній, крайне обременительно“.

6-го іюня получено было мною письмо изъ Мурома отъ семейства Царевскихъ. Вотъ что писали мнѣ отъ 26-го мая:

„Судя потому, какъ скоро вы отвѣчали на прежнія наши письма, мы увѣрены были, что и на послѣднее отъ насъ письмо вы не замедлите отвѣтить. Прошло довольно уже много времени,—а вы молчите. Это заставляетъ насъ сомнѣваться, получили-ли вы наше письмо,—здоровы-ли? Но для чего все перечислять? Мало-ли что можетъ представиться, когда не получаешь ожидаемаго.

Чтобы разсѣять наши сомнѣнія и различныя представленія касательно медлительности въ отвѣтѣ,—просимъ васъ хоть строчекъ пятокъ черкнуть, на какомъ-нибудь лоскуткѣ, и переслать съ сей письмоподательницей. Мы и этимъ довольны будемъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта остаемся любящіе и почитающіе васъ Царевскіе“.

На другой-же день отвѣчалъ я на это письмо:

„По моимъ расчетамъ, вы должны получить мой отвѣтъ

1849 г. на предвидущее ваше письмо въ тотъ самый день, въ который отправили ко мнѣ послѣднюю краткую епистолу, въ которой вы такъ ясно выражаете и нетерпѣливое ожиданіе моего отвѣта и опасеніе за потерю вашего письма и сомнѣніе въ моемъ здоровьѣ. Теперь, конечно, вы уже совершенно успокоились. Почему я, вопреки вашимъ чаяніямъ, не скоро отвѣчалъ на ваше письмо? Во-первыхъ потому, что не видѣлъ крайней надобности спѣшить отвѣтомъ; а во-вторыхъ и потому, что не всегда имѣю столько свободнаго времени, чтобы заняться внѣшнимъ дѣломъ: корреспонденціею вообще (исключая, разумѣется, крайней надобности) я занимаюсь только въ такіе часы, когда или нѣтъ вовсе серьезнаго занятія (хотя это случается весьма рѣдко), или когда, послѣ продолжительнаго серьезнаго занятія дѣломъ, становишься наконецъ неспособнымъ къ занятію имъ, и тогда вмѣсто отдохновенія спѣшу отвѣчать на тѣ письма, которыя были получены прежде. Вотъ на-примѣръ и теперь письма два-три давно лежатъ у меня и требуютъ непремѣннаго отвѣта, который однакожь послѣдуетъ не прежде, какъ по окончаніи экзаменовъ. Дѣла теперь у насъ такъ много, что некогда и подумать о постороннихъ занятіяхъ. Не знаю, удалось ли-бы мнѣ начертить сіи строки вамъ, если бы зубная боль, которая уже около двухъ недѣль одержитъ меня, не препятствовала мнѣ ходить въ классъ.

Въ дополненіе къ тому, что было мною сказано въ предвидущемъ письмѣ, я не знаю право, что еще прибавить. Хотѣлъ было я пригласить васъ къ себѣ на нынѣшнюю вакацію, имѣя въ виду частію собственное удовольствіе, а еще болѣе вашу пользу: но раздумалъ потому, что самъ имѣю замѣреніе во время вакаціи совершить куда-нибудь путешествіе. Отъ продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ и отъ постоянной умственной работы силы мои такъ утомились, что требуютъ непремѣннаго освѣженія. При томъ опасаюсь отвлечь васъ отъ вашихъ учительскихъ занятій, о которыхъ я узналъ недавно. Это хорошо вы сдѣлали, что позаботились отыскать себѣ кондицію. Не говоря уже о положительной выгодѣ, настоящее занятіе ваше можетъ приносить вамъ другую, высшую пользу. Извѣстна древняя пословица: *docendo discimus* И это весьма спра-

ведливо: порукой въ томъ—мой собственный опытъ. Только 1849 г на этотъ разъ совѣтоваль-бы я вамъ прочитать (и по возможности выполнять) статейку, помѣщенную въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ за нынѣшній годъ (№№ 58—61): „О повиновеніи въ дѣлѣ воспитанія“.—Она такъ понравилась мнѣ, что я не излишнимъ почелъ ее даже списать“.

Въ продолженіи іюня происходили у насъ обычные экзамены. Въ промежуткѣ между устными испытаніями писались экспромпты. Такъ 17-го числа мы писали латинскій экспромптъ на тему: „Num verba Apostoli: in ipso vivimus, movemur et sumus (Дѣян. XVII, 28) favent opinioni spinozistarum,—Deum esse animam mundi?—22-го ч. дана была русская тема: „Справедливо-ли говорить, что обѣтованіе Божіе, изображенное въ псалмѣ 131, ст. 13 и 14, но не исполнившееся, противорѣчитъ неизмѣняемости Божіей?“.

27-го іюня писалъ я въ Горлицы о. Василю Сапоровскому:

„По заведенному обычаю, слѣдовало-бы мнѣ извиниться передъ вами въ томъ, что я такъ долго не отвѣчаю на ваше довольно подробное и откровенное письмо отъ 30-го марта: но извините, если я на этотъ разъ не подчинюсь принятому обычаю, и объяснюсь вамъ откровенно, что я потому именно и не спѣшилъ отвѣтомъ на ваше письмо, чтобы и васъ на будущее время освободить отъ подобныхъ извиненій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ. По моему мнѣнію, отвѣчать слишкомъ скоро на письмо пріятеля безъ особой нужды, значитъ побуждать или даже обязывать его къ тому-же самому: но это уже будетъ не свободная дружеская бесѣда, а какая-то оффиціальная скучная корреспонденція. Впрочемъ, можетъ быть, я и заблуждаюсь...“

Вы жаловались, что жизнь ваша, при настоящей должности, исполнена постоянными трудами и заботами: правда, но за то есть въ ней и другая довольно выгодная сторона: это—всегдашнее разнообразіе. Если не каждый день, по крайней мѣрѣ, очень часто встрѣчаются вамъ новыя лица, новыя живые предметы для разговоровъ, новые, хотя и не всегда, правда, пріятные случаи для дѣятельности. Ничего такого нѣтъ въ моей настоящей жизни. Жизнь моя течетъ такъ однообразно, что, если поподробнѣе описать вамъ

1849 г. одинъ день, это значитъ описать вамъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Всегда одни и тѣ-же лица, вѣчно одни и тѣ-же занятія, хотя, впрочемъ, предметы этихъ занятій довольно разнообразны и до безконечности неистощимы. Въ послѣднее время и моя жизнь однакожь нѣсколько оразнообразилась отъ того, что я подвергся болѣзни и при томъ еще не одной. Сначала беспокоила меня зубная боль, да такая сильная, что я рѣшился наконецъ, послѣ предварительныхъ легкихъ средствъ, вовсе искоренить больной зубъ. Но едва лишь освободился отъ этой скучной боли, какъ постигла меня другая, и какая-же? Стыдно сказать—простуда. Въ июнѣ мѣсяцѣ, при 30 почти град. тепла, простудиться—крайне, повидимому, смѣшно: но при нашемъ, довольно искусственномъ образѣ жизни, очень естественно. Чтобы получить эту болѣзнь, мнѣ стоило только, напившись чаю, пробить нѣсколько минутъ на сквозномъ вѣтрѣ. Но какъ скоро удалось мнѣ навлечь на себя эту болѣзнь, такъ скоро, при пособіи добраго врача—іеромонаха, Богъ далъ и освободиться отъ нея. Послѣ двухдневнаго врачеванія, я начинаю чувствовать себя, слава Богу, почти здоровымъ. Испытать непродолжительную болѣзнь полезно не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Всякое физическое бѣдствіе, какъ посылаемое на насъ Провидѣніемъ, есть поучительный для насъ урокъ.

Не распространяясь болѣе о своихъ обстоятельствахъ, предлагаю вамъ, если угодно, узнать всѣ подробности моей академической жизни отъ подателя письма сего. Этотъ чловѣкъ всегда былъ такъ близокъ ко мнѣ, что я ничего не скрывалъ отъ него. И потому, если вы продолжаете еще питать ваше прежнее ко мнѣ благорасположеніе (въ чемъ однакожь я не сомнѣваюсь), прошу васъ не отказать въ ласковомъ привѣтѣ и сему новому моему другу“.

О какомъ другѣ идетъ здѣсь рѣчь, не помню.

1-го іюля даны были намъ, студентамъ XVII курса, для, такъ называемыхъ, курсовыхъ сочиненій, слѣдующія темы:

1-го разряда:

1. Григорію Смирнову . . . О литургіи преждеосвященныхъ.
2. Василию Лебедеву . . . Противъ Шведенборга.
3. Григорію Быстрицкому . О св. Іоаннѣ Дамаскинѣ.

4. Сергію Терновскому Обозрѣніе полемиическихъ книгъ 1849 г писанныхъ противъ раскольниковъ съ конца XVII до начала XIX столѣтія.
5. Θεодору Попову. О свободѣ христіанской въ отношеніи къ гражданскимъ состояніямъ.
6. Ильѣ Бѣляеву О Стоглавѣ, противъ раскольниковъ.
7. Василию Холминскому О Максимѣ Грекѣ.
8. Николаю Рождественскому. Православное ученіе о церкви, въ сравненіи съ ученіемъ о семъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.
9. Егору Попову О св. Кипріанѣ.
10. Геромонаху Саввѣ Объ устной исповѣди.
11. Александру Соколову Обозрѣніе догматико - полемиической проповѣди восточной церкви въ IV в.
12. Василию Взорову. О заблужденіяхъ молоканъ.
13. Θεрапонту Евдокимову. Объ обѣтахъ монашества.
14. Якову Беневоленскому О происхожденіи униі.
15. Ивану Васильевскому О имѣющемъ послѣдовать обращеніи іудеевъ.
16. Даниилу Пономареву О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.
17. Александру Воздвиженскому. Объ отношеніяхъ Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.
18. Алексѣю Попову. }
19. Андрею Любославскому. } Исторія иконоборства.
20. Виктору Рождественскому }
2-го разряда.
21. Николаю Астрову Объ обѣтахъ монашества.
22. Виктору Виноградову О христіанской вѣротерпимости.
23. Алексѣю Лаврову О св. Іоаннѣ Дамаскинѣ.

- 1849 г. 24. Андрею Боголюбову Обь иконоборствѣ.
25. Степану Орлину О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
26. Алексѣю Викторову О сношеніяхъ православной церкви съ протестантами въ XVI в.
27. Михаилу Зенкевичу Обзорѣніе соборовъ Русской церкви въ періодъ патриаршества.
28. Никитѣ Срѣтенскому О священствѣ.
29. Якову Груздеву О преданіи.
30. Іосифу Голубинскому О патриархѣ Іоакимѣ.
31. Александру Успенскому-Буданову— Пророчества о Спасителѣ въ писаніяхъ Моисеевыхъ.
32. Алексѣю Миловидову О елѣосвященіи.
33. Ивану Островскому О пастырскихъ обязанностяхъ относительно священнодѣйствій по ученію Златоуста.
34. Василию Кондорскому О внѣшнемъ Богослуженіи противъ молоканъ.
35. Кириллу Державину О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
36. Александру Камышинскому О происхожденіи уни.
37. Θεодору Никольскому Сравнительное ученіе о церкви.
38. Гавріилу Пернаткину О будущемъ обращеніи іудеевъ.
39. Димитрію Бакрадзе Обь исповѣди.
40. Петру Беневоленскому О христіанской вѣротерпимости.
41. Виктору Всесвятскому О Максимѣ Грекѣ.
42. Θεодору Исполинову О пророчествахъ Малахи.
43. Θεодору Остроумову Обь отношеніи Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.
44. Николаю Рудневу О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.
45. Степану Твердому О священствѣ.
46. Василию Богословскому О происхожденіи уни.
47. Іосифу Лебединскому О догматико - полемической проповѣди въ IV в.

48. Василию Никольскому . О св. Кипріянь.
 49. Петру Милованову. . . О самоиспытаніи.
 50. Павлу Щеглову Обѣ исповѣданіи вѣры.

Рѣшившись посѣтить моего Абакумовскаго друга, М. Д. Граменицкаго, я писалъ ему 1-го іюля:

„Кажется, общее желаніе наше можетъ теперь совершиться. Обстоятельства мои расположились такъ, что я рѣшился ѣхать въ Москву. Только еще не опредѣленъ окончательно срокъ выѣзда моего изъ лавры, впрочемъ, если не завтра, то, кажется, въ воскресенье могу безпрепятственно отправляться въ путь. Сколько времени пробуду въ Москвѣ, такъ же заранѣе опредѣлить не могу, но, вѣроятно, не долѣе, пока не найду къ вамъ подводы; потому что я намѣренъ и обратный путь совершить чрезъ Москву; и тогда-то уже могу пробыть тамъ подольше.

Итакъ, до пріятнаго свиданія!—Но опять повторяю вамъ: не безпокойтесь, Бога ради, заранѣе на счетъ моего пріѣзда. Мнѣ очень совѣстно будетъ, если я введу васъ въ излишніе расходы. При томъ же, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: буду-ли я у васъ или нѣтъ, рѣшительно сказать нельзя: мало-ли что можетъ случиться дорогой?“

2-го ч., въ субботу, я отправился, въ сопутствіи двоихъ или троихъ товарищей, между прочимъ, Василия Взорова, въ Москву, гдѣ остановился я, съ дозволенія о. ректора, въ его Заиконоспасскомъ монастырѣ. Первопрестольная столица поразила меня прежде всего своими громадными размѣрами. На другой день, 3-го ч., я успѣшилъ отправиться въ кремль для поклоненія тамошней святынѣ. Когда я входилъ въ Успенскій соборъ, литургія уже окончилась. Въ этотъ день, по случаю праздника въ честь св. Филиппа, литургію совершалъ преосвященный Іосифъ, викарій, епископъ Дмитровскій, у котораго я, при выходѣ его изъ собора, принялъ благословеніе.

4-го числа мы съ Взоровымъ успѣшили отправиться въ дальнѣйшій путь. 5-го ч. пріѣхалъ я въ Абакумово, гдѣ встрѣченъ былъ своимъ другомъ съ распростертыми объятіями.

Погостъ Абакумовскій, состоящій изъ 11-ти причтовыхъ дворовъ, расположенъ на берегу рѣчки Липни. Къ нему принадлежитъ 23 деревни съ народонаселеніемъ слишкомъ

1849 г. въ 2000 душъ мужескаго пола. По штату, въ Абакумовскомъ приходѣ положено тогда было три причта. Изъ 3-хъ священниковъ о. Граменицкій былъ, если не старшій, то болѣе прочихъ пользовавшійся въ приходѣ общимъ уваженіемъ и по своему образованію, и по своей строго-честной жизни. Въ продолженіи трехъ-недѣльнаго пребыванія моего въ Абакумовѣ, я былъ свидѣтелемъ неутомимыхъ трудовъ моего бывшаго товарища и друга: то ежедневныя, въ продолженіи очередной седмицы, богослуженія, то мірскія требы, иногда съ ранняго утра до поздняго вечера, — то домашнія по хозяйству занятія и хлопоты не давали ему покоя. Свободные-же отъ занятій и трудовъ часы онъ посвящалъ мнѣ; въ эти часы мы съ нимъ или занимались дружескою бесѣдою, или обозрѣвали его поля, или ходили въ лѣсъ за грибами, а иногда отправлялись на рыбную ловлю. Въ праздничные и воскресные дни мы съ нимъ соборнѣ служили въ его приходскомъ каменномъ, довольно благолѣпномъ, храмѣ. Въ отсутствію моего гостепріимнаго хозяина изъ дому въ приходѣ, я занимался чтеніемъ книгъ, частію изъ его скромной бібліотеки, а частію взятыхъ мною изъ академіи и относящихся къ предмету моего курсоваго сочиненія „объ устной исповѣди“. Такимъ образомъ я могъ соединять въ сельскомъ уединеніи пріятное съ полезнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля я оставилъ гостепріимный кровъ своего друга и отправился въ Москву. Здѣсь прежде всего отыскалъ я своего молодаго товарища по академіи, Николая Димитріевича Рождественскаго (будущаго о. Игнатія). Онъ съ своею матерью вдовой и двумя младшими братьями жилъ у своего дяди, священника бывшаго Георгіевскаго монастыря, что на большой Дмитровкѣ. Съ ними мы отправились въ кремль и обошли всѣ соборы. За тѣмъ я посѣтилъ другаго товарища, Ст. Ив. Орлина, сына протоіерея Троицкой, въ Троицкомъ переулкѣ, церкви Ивана Степановича Орлова. О. протоіерей Орловъ, бывши разъ въ Сергіевомъ посадѣ, и слышавши о мнѣ отъ своего сына, пожелалъ со мною познакомиться, пригласилъ къ себѣ въ квартиру и угостилъ меня чаемъ. При прощаніи, онъ просилъ меня быть въ Москвѣ; и вотъ я не преминулъ воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ. Протоіерей И. С. Орловъ былъ старецъ очень примѣчательный во

многихъ отношеніяхъ. Не имѣвши высшаго академическаго 1849 г
 образованія, онъ отличался необыкновенною любознатель-
 ностію; зналъ основательно нѣкоторые изъ новѣйшихъ ино-
 странныхъ языковъ и извѣстенъ даже въ литературѣ. Такъ,
 онъ написалъ замѣчательное, по отзыву преосв. Филарета
 Черниговскаго, сочиненіе: „Историческое начертаніе языковъ,
 съ описаніемъ ихъ начала, распространенія, переменъ и
 смѣшенія“, М. 1810 г. (*Обзоръ русск. дух. литературы*, кн.
 2, стр. 156, Спб. 1861 г.). Имъ также составлено и
 напечатано „Историческое описаніе Московской Троицкой
 церкви, что въ Троицкой“, М. 1844 г. При строго-прав-
 ственной жизни, онъ былъ примѣрно-исправный пастырь.
 Желая сохранить въ памяти потомства имена болѣе усерд-
 ныхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ лицъ изъ своихъ
 прихожанъ, онъ завелъ при своей приходской церкви Си-
 нодикъ (огромной величины фоліантъ), въ который вносилъ,
 по смерти ихъ, болѣе или менѣе подробныя о нихъ свѣ-
 дѣнія ¹⁾. Иванъ Степановичъ познакомилъ меня съ Сино-
 дальнымъ ризничимъ, соборнымъ іеромонахомъ Евстаѳіемъ,
 а этотъ обязательно открылъ мнѣ входъ въ Патріаршую
 Ризницу, гдѣ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ обозрѣлъ
 драгоценныя сокровища священной древности, не подозрѣвая,
 что чрезъ годъ буду самъ хранителемъ этихъ безцѣнныхъ
 сокровищъ.

Въ Успенскомъ соборѣ я неожиданно встрѣтился съ
 своимъ землякомъ и съ юныхъ лѣтъ товарищемъ, Н. П.
 Минервинимъ. Онъ состоялъ въ хорѣ синодальныхъ пѣв-
 чихъ. По выходѣ изъ собора, мы вели съ нимъ дружескую
 бесѣду о разныхъ предметахъ; между прочимъ, рѣчь за-
 шла о патріаршей ризницѣ, которую я только лишь предъ
 этимъ посѣтилъ. Описывая важность и особое значеніе дол-
 жности синодальнаго ризничаго, Минервинъ въ то же вре-
 мя замѣтилъ, что эта должность не легкая и не безопас-
 ная по причинѣ частыхъ столкновеній съ лицами разныхъ
 званій и состояній. Замѣчаніе это крѣпко врѣзалось въ
 моей памяти.

3-го августа возвратился я въ академію и съ обновлен-

¹⁾ Объ этомъ Синодикѣ см. замѣчательную резолюцію митр. Филарета
 отъ 24 авг. 1860 г. *Душепол. чт.* 1881 г. май, стр. 121 и сл.

1849 г. ними силами не замедлил приступить къ собиранію матеріаловъ для своего курсоваго сочиненія. Источники и пособия, коими я пользовался для этого сочиненія, указаны въ самомъ сочиненіи.

По возвращеніи въ академію, я поспѣшилъ выразить моему доброму другу, о. Михаилу Граменицкому благодарность за оказанное мнѣ гостепріимство. Отъ 5-го числа писалъ я ему:

„Послѣ личной благодарности, съѣду письменно повторить вамъ и всему вашему семейству мою сердечную признательность за ваше искреннее, радушное гостепріимство. Пребываніе въ вашемъ домѣ навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Путешествіе мое отъ васъ и до Москвы, и отсюда до лавры совершилось, слава Богу, благополучно. Въ Москву прибылъ я 27 іюля въ 6 часовъ утра. Погода во всю дорогу была, правда, не совсѣмъ благопріятная; однакожъ я не потерпѣлъ ни малѣйшаго безпокойства. За то во все время пребыванія моего въ Москвѣ погода была большею частію самая благопріятная, и я, къ величайшему удовольствію моему, успѣлъ очень многое осмотрѣть въ столицѣ.

Постоянную квартиру имѣлъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но только уже не въ настоятельскихъ покояхъ, а въ кельѣ одного діакона; впрочемъ, эта квартира была для меня гораздо покойнѣе и выгоднѣе. По пріѣздѣ въ Москву, первымъ дѣломъ моимъ было исполнить ваше порученіе. Я обошелъ всѣ почти книжныя лавки, какія находятся на Никольской улицѣ, отыскивалъ требуемую вами книгу, но, къ сожалѣнію, ни одной не нашель. Было нѣсколько экземпляровъ у Ѳерапонтова и тѣ недавно всѣ разошлись. Осталось теперь адресоваться только въ Ярославль и это я непременно исполню, когда возвратятся въ академію мои товарищи. Между тѣмъ какъ другая книга, о цѣи которой вы просили меня навѣдаться, нашлась легко, и даже не въ одной лавкѣ. Думаю, что вы не будете въ претензій на меня, если я вмѣсто первой вышло вамъ послѣднюю. Цѣна этой книги, признаться, довольно высокая (именно 3 р. 30 к. сер. безъ переплета): но я увѣренъ, что прочитавши эту книгу, вы не будете сожалѣть о деньгахъ. Я

не выслать ее изъ Москвы потому, что мнѣ лучше захо- 1849 г
тѣлось представить ее вамъ въ переплетѣ.

Признаюсь вамъ, я не въ состояніи передать вамъ на письмѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ. Скажу только вообще, что Москва произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Все, что я ни видѣлъ въ Москвѣ замѣчательнаго, крайне интересовало меня. Вездѣ, гдѣ ни доводилось мнѣ быть, я былъ принятъ очень хорошо. Видѣлся съ нѣкоторыми изъ прежнихъ знакомыхъ, какъ-то:—съ Матвѣемъ Ив. Соколовымъ, Петромъ Вас. Приклонскимъ, Ив. Ив. Приклонскимъ, Николаемъ Петр. Минервинымъ и пр. и пр. Здѣсь такъ-же имѣлъ я счастье видѣться съ преосвященнымъ Евсеіемъ, прежнимъ нашимъ ректоромъ. Я нарочно ходилъ въ Высокопетровский монастырь, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, привіять отъ него благословеніе. Послѣ краткой устной бесѣды, Владыка благословилъ меня не болѣе пространною печатною брошюрой его же собственнаго издавія: „Размышленія на молитву Господню“.

28-го іюля былъ въ Москвѣ великолѣпный крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь; но мнѣ не удалось видѣть его; за то я вполне наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ 1-го августа, когда совершенъ былъ ходъ изъ Успенскаго собора на Москву рѣку. Пресв. митрополитъ самъ служилъ и литургію и былъ въ крестномъ ходу. Погода была ясная, стеченіе народа было весьма многочисленное. Этого собственно случая я и ожидалъ только въ Москвѣ; иначе я оставилъ бы ее гораздо ранѣе, не смотря на ея радушіе и гостепріимство. Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія моего въ Москвѣ, я до того былъ оглушенъ столичнымъ шумомъ, что онъ и до сихъ поръ раздается у меня въ ухахъ. Изъ Москвы отправился я 2-го числа въ 9 ч. утра. На другой день въ 10 ч. утра благополучно прибылъ въ лавру. Какъ пріятно было возвратиться подъ мирную сѣнь св. обители послѣ довольно продолжительнаго путешествія, и особенно послѣ шестидневнаго пребыванія въ шумной столицѣ!

Въ академіи и лаврѣ все, слава Богу, благополучно.

6-го ч. писалъ я въ Пермь новому инспектору семинаріи, отцу Стефану:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ

1849 г. новою должностію. Дай Богъ, чтобъ труды ваши и на этомъ новомъ поприщѣ увѣнчавались всегда счастливыми успѣхами. Можно думать, что вапа прежняя учительская служба не осталась вовсе безъ приложенія и къ настоящему вашему служенію. Какъ ни значительно, по видимому, разстояніе между семинарією и училищемъ: но въ сущности дѣла, мнѣ кажется, нѣтъ между ними большаго различія. Такъ объ этомъ трактуеть и наше правительство. Когда былъ у насъ минувшею весною г. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, то, разспросивши меня подробно объ обстоятельствахъ моей жизни, обратился къ о. ректору и сказалъ: „вотъ этотъ будетъ самый надежный служитель церкви; онъ много уже испыталъ въ жизни“. Дай Богъ, чтобы эти пророчественныя слова оправдались самымъ дѣломъ.

Да, почтеннѣйшій о. Стефанъ! вотъ уже близокъ конецъ и моего академическаго поприща. О, если бы далъ Господь благополучно достигнуть пристани!— Физическія силы мои, правда, не такъ слабы, чтобъ можно было отчаяваться: но вѣдь мало-ли какихъ внезапностей бываетъ въ жизни? Осталось теперь совершить одно, но за то, правда, самое главное дѣло, я разумѣю курсовое сочиненіе. Предложенія даны намъ еще предъ вакаціей. Мнѣ досталось писать по Пастырскому богословію—„объ устной исповѣди“. Вотъ уже слишкомъ цѣлый мѣсяць, а я еще и не приступалъ къ дѣлу. Съ 2-го іюля и по 8-е августа былъ я въ путешествіи. Признаюсь вамъ, послѣ двухлѣтняго пресбыванія на одномъ мѣстѣ я дошелъ почти до крайняго отупѣнія въ силахъ; и потому я принялъ съ крайнимъ удовольствіемъ приглашеніе одного сельскаго священника, бывшаго товарища моего по семинаріи—посѣтить его во время вакаціи, и никакъ не раскаяваюсь въ моемъ поступкѣ.

Трехнедѣльное пребываніе мое въ деревнѣ значительно освѣжило меня и укрѣпило мои силы. На обратномъ пути изъ деревни цѣлую недѣлю провель я въ Москвѣ. Видѣть въ первый разъ нашу древнюю столицу было для меня крайне интересно. Москва произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Все время пребыванія моего въ Москвѣ я исключительно посвящалъ на обзорѣніе ся достопримѣчательностей. Постоянную квартиру я имѣлъ въ Законоиснаскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ нашъ о. ректоръ. Въ Москвѣ

имѣлъ я удовольствіе видѣться съ преосвящ. Евсевиємъ и 1849 1
и принять отъ него благословеніе. Онъ ѣздилъ на ревизію
въ Смоленскъ, былъ потомъ на своей родинѣ, гдѣ освящаль,
созданный на его собственное иждивеніе, храмъ, на обрат-
номъ пути посѣтилъ нашу лавру, и оттуда чрезъ Москву,
вѣроятно, отправился въ Петербургъ“.

11-го числа получилъ я изъ Казани отъ студента ака-
деміи, Ивана Борис. Акимова, письмо, въ которомъ онъ пи-
салъ отъ 6-го числа:

„Пріятнѣйшимъ для себя долгомъ считаю засвидѣтель-
ствовать вамъ мое искреннѣйшее почтеніе, а равно отъ
души пожелать въ добромъ здравіи приняться, писать и
окончить ваше курсовое сочиненіе, которое должно завер-
шить труды академическіе. Молю Господа Бога и угодни-
ковъ святителей Гурія, Варсонофія и Германа—Казанскихъ
чудотворцевъ, да силою благодати помогаютъ вамъ въ ва-
шихъ трудахъ. А равно всеубѣдительнѣйше прошу не за-
бывать въ вашихъ молитвахъ и многогрѣшнаго раба Іоан-
на, а болѣе всего у мощей св. Сергія—нашего всеобщаго
заступника, покровителя и помощника.

Да, возлюбленнѣйшій о. Савва!—я глубоко убѣдился, что
молитва праведника много значить предъ Богомъ и молитва
святымъ—много вспомошествуетъ нашимъ, часто даже, чи-
сто человѣческимъ желаніямъ—вотъ убѣжденіе, которое я
получилъ и храню въ сердцѣ, находясь два года близъ св.
мощей св. чудотворца Сергія. Все, о чемъ я ни молилъ
его, все оканчивалось и оканчивается благополучно. А по-
тому тѣмъ усерднѣе прошу и васъ не забывать въ вашихъ
мольбахъ меня—человѣка, душевно полюбившаго васъ и
уважающаго.

Что вамъ написать еще о себѣ самомъ? Я, слава Богу,
годъ провелъ хорошо въ новой своей академіи и не рас-
каиваюсь нисколько въ своемъ переходѣ, тѣмъ болѣе,
что, въ продолженіе года, я успѣлъ заслужить вни-
маніе начальства. вмѣсто хорошаго поведенія, которымъ
подарило меня ваше начальство, я за нынѣшній годъ от-
мѣченъ о. инспекторомъ поведенія „отлично хорошаго“,—
и въ спискѣ поведенія стою подъ № 6. Общаго же списка
у насъ еще нѣтъ и не составленъ, а на дняхъ ожидаемъ
составленія. Не думаю окончить курсъ въ первомъ раз-

1849 г. рядѣ,—но все-таки и буду не на концѣ, если Богъ дастъ здоровья и благополучія.

За тѣмъ простите, честнѣйшій о. Савва,—цѣлую васъ заочно. Остаюсь полный любви и почитанія къ вашему преподобию“...

23-го августа писалъ мнѣ изъ Перми инспекторъ семинаріи о. Стефанъ:

„Въ послѣднемъ вапемъ письмѣ, полученномъ мною 20-го августа, вы предложили мнѣ вопросъ: имѣла-ли вліяніе на настоящее мое служеніе прежняя училищная служба? отвѣчаю: въ послужномъ моемъ спискѣ вовсе не означается, что я служилъ при училищахъ до поступленія въ академію; изъ этого можно заключить, что Св. Синоду и неизвѣстно то, что я былъ инспекторомъ училищъ, а слѣд. эта служба не имѣла вліянія на мое возвышеніе. Что же имѣло вліяніе? Во 1-хъ то, что я магистръ; во 2-хъ то, что нашъ ревизоръ, епископъ Неофитъ отлично рекомендовалъ меня въ своемъ отчетѣ Синоду. Желая и вамъ окончить курсъ въ первомъ разрядѣ и служить при добромъ епископѣ.

Пріятнымъ долгомъ признаю увѣдомить васъ, что я благополучно пріѣхалъ въ Пермь 15-го іюля, а на другой день вступилъ въ должность инспектора семинаріи. Архіепископъ Аркадій принялъ меня благосклонно. Въ концѣ іюля я получилъ благословеніе отъ Св. Синода за Вятскую службу“.

16-го сентября писалъ я въ Вязники школьному товарищу о. Богородскому:

„Другъ мой! ты просишь меня раскрыть тѣ чувстваванія и мысли, съ какими вступалъ я въ новый періодъ жизни? Охотно удовлетворилъ бы твоей просьбѣ, еслибъ это было сколько-нибудь возможно: но знаю, что сильныя и единократно потрясшія душу чувства весьма трудно уловить и заключить въ опредѣленные слова. Скажу только, что при вступленіи въ монашество я испыталъ то же, что не разъ испытывалъ и прежде при важнѣйшихъ перемѣнахъ моей жизни, т. е. какое-то умиленное состояніе духа. Что касается до внѣшняго моего положенія, то оно почти насколько не измѣнилось: я и теперь такой же студентъ, какимъ былъ и прежде; — при исполненіи студенческихъ обязанностей, почти вовсе остаются безъ исполненія обя-

занности собственно монашескія. Впрочемъ наше, такъ называемое, ученое монашество состоитъ на нѣкоторыхъ особенныхъ правахъ, и по необходимости должно имѣть нѣкоторое различіе отъ обыкновеннаго монашества, хотя то и другое должно быть проникнуто и одушевлено однимъ и тѣмъ же духомъ.

Что касается до нашего свиданія, то, можетъ быть, чрезъ годъ, когда уже я совершенно освобожусь отъ школьной жизни, какъ-нибудь не случится-ли мнѣ посѣтить васъ. Тогда времени свободнаго у меня будетъ довольно. Въ Муромѣ правда приглашали меня и на нынѣшнюю вакацію: но я не расположился предпринимать отдаленнаго путешествія по той причинѣ, что дорожилъ временемъ. Для освѣженія и подкрѣпленія силъ я провелъ однакожь весь іюль мѣсяць въ путешествіи. Былъ у М. Дм. Граменицкаго; прогостилъ у него цѣлыя три недѣли. Какъ онъ былъ радъ мнѣ! За то и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ у него время. Отъ него заѣхалъ въ Москву. Здѣсь также провелъ цѣлую недѣлю. Съ величайшимъ наслажденіемъ осматривалъ священные памятники первопрестольной столицы. По возвращеніи изъ путешествія чувствую себя значительно лучше прежняго въ отношеніи къ здоровью. Теперь занимаюсь, такъ называемымъ, курсовымъ сочиненіемъ: это уже послѣдній, но главный трудъ, по которому окончательно рѣшается судьба каждаго студента. Мнѣ досталось писать „объ устной исповѣди“. Признаюсь вамъ, не мало потребно труда и усилій, чтобъ удачно совершить этотъ окончательный трудъ“.

4 ноября писалъ я въ с. Абакумово своему другу, о. Граменицкому:

„Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Предстательствомъ небеснаго вашего патрона да сохранитъ Господь ваше здравіе на многія лѣта, а мечъ архистратига горнихъ силъ да ограждаетъ вашу безопасность отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ! Отсутствуя тѣломъ, я не премину принять участіе духомъ въ вашемъ семейномъ торжествѣ, когда настанетъ день вашего ангела.

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: просьбу эту тѣмъ смѣлѣе предлагаю, что вы за-

1849 г. ранѣе обѣщались не отказывать мнѣ въ этомъ случаѣ. Вотъ обстоятельства какого рода вынуждаютъ меня быть предъ вами откровеннымъ. Съ давнихъ поръ началъ я брать въ извѣстной лавкѣ нужныя для меня вещи: денегъ между тѣмъ не уплачивалъ довольно давно. На сихъ дняхъ займодавецъ не обинуясь сдѣлалъ мнѣ напоминаніе объ уплатѣ долга. Но какъ иначе мнѣ удовлетворить законное требованіе займодавца, если снова не одолжиться у кого бы то ни было? Могъ бы я, конечно, въ этомъ случаѣ обратиться и къ кому-нибудь другому: но послѣ того, какъ вы такъ великодушно вызвались помогать мнѣ въ нуждѣ, было-бы съ моей стороны непростительно вашей пренебрегать дружеской услугой. Итакъ, благоволите, любезнѣйшій другъ, одолжить меня на сей разъ такою-же суммою, какою вы одолжили меня прежде. Болѣе объ этомъ предметѣ сказать вамъ не знаю что, кромѣ развѣ того, что ваше одолженіе будетъ принято мною съ величайшею признательностію.

Особеннаго о себѣ сказать вамъ ничего не могу. Въ послѣднихъ числахъ сентября былъ не много боленъ простудою, впрочемъ такъ, что по причинѣ сильной боли въ головѣ, цѣлую недѣлю не могъ ничего думать; за то теперь, слава Богу, здоровъ и благоденствую. По обыкновенію занимаюсь своей ученой работою, наравнѣ съ другими копаюсь въ пыльных фоліантахъ; признаюсь вамъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ переворочалъ книгъ довольно много всякихъ сортовъ—и христіанскихъ и басурманскихъ. Прежде я опасался, что нечего будетъ мнѣ почитать для своего предмета, а теперь открылось такое множество источниковъ, что едва-ли буду въ состояніи всѣхъ ихъ пересмотрѣть. Вотъ теперь-то открывается все значеніе и польза знанія языковъ. Паша русская литература слишкомъ еще бѣдна, чтобъ можно было ограничиться ея произведеніями при ученомъ изслѣдованіи какого-бы то ни было богословскаго, не говорю, философскаго вопроса. Впрочемъ, какъ ни много, повидимому, уже трудился я, но къ существу дѣла до сихъ поръ еще не приступилъ, даже не составилъ еще опредѣленнаго плана. Но времени впереди еще не мало, лишь-бы Господь подкрѣпилъ силы,—авось какъ-нибудь приведу къ концу начатое дѣло.

Недавно вышло изъ печати курсовое сочиненіе о св. Ди-

митріѣ Ростовскомъ, о которомъ я говорилъ вамъ во время 1849 г. вакаціи. Чѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ этого творенія, тѣмъ менѣе, кажется, удовлетворило оно общему ожиданію. Біографія святителя написана, правда, довольно интересно; но разборъ его сочиненій уже черезъ чуръ ученъ, чтобы не сказать—сухъ, такъ что ни у кого почти не достаесть терпѣнія прочитать до конца все сочиненіе. Впрочемъ это въ духѣ нашей академіи, которая всегда отличалась ученостью и утомительной сухостью, хотя этого и нельзя поставить ей въ укоръ. Кіевская академія совсѣмъ иное дѣло; тамъ господствуетъ противоположное направленіе. Да! Прочитали-ли вы гомилетику Амфітеатрова? вотъ самый лучший образецъ всего направленія Кіевской академіи. Ну—что, какъ она вамъ нравится? Прошу высказать объ ней ваше сужденіе“.

30-го ноября получено было мною въ отвѣтъ на это письмо отъ о. Михаила Граменицкаго отъ $12/_{26}$ числа посланіе слѣдующаго содержанія:

„Господь Богъ да подкрѣпляетъ васъ Своею благодатію на поприщѣ подвиговъ иноческихъ и на стези просвѣщенія умственнаго!

Послѣ отправленія вашего доселѣ я и семейство мое здоровы. Проводивши васъ, ужасную почувствовалъ тоску и скуку, какъ будто чего-то я лишился, или что-то потерялъ; даже и теперь какъ только войду въ свѣтелку,—тотчасъ воображаю видѣть васъ: но вмѣсто того на самомъ дѣлѣ вижу гвоздики, гдѣ висѣли ваша камилавка и шляпа. На цѣлую жизнь вы обязали меня благодарною памятью за ваше посѣщеніе. Вполнѣ чувствую, что вы это сдѣлали по искреннему ко мнѣ расположенію,—и увѣренъ, что это ваше расположеніе не измѣнится.

Дѣти мои часто васъ поминаютъ, особенно Дмитрій каждый день толкуетъ: мы лѣтомъ-то купались съ отцемъ Саввой,—лѣто придетъ,—отецъ Савва пріѣдетъ, опять пойдемъ купаться, а дѣвчонокъ не возьмемъ;—и часто спрашиваетъ: куда уѣхалъ отецъ Савва?—далеко-ли? къ кому? когда пріѣдетъ къ намъ?

Московскіе родные приглашаютъ меня осенью къ себѣ побывать: можетъ быть не соберусь-ли. Дѣла мои теперь всѣ закончены,—нажатый хлѣбъ перемолоть,—только разъ-

1849 г. Ызжаю каждый день по деревнямъ съ крестиками, съ молитвою и св. дарами, а вечерами кое-что читаю, пишу и шалю съ ребятишками. Елизавета читаетъ. Подаренную вами книгу выпросилъ для прочтенія отецъ благочинный, который ко мнѣ въ прежнихъ отношеніяхъ. Не наскучилъ ли я вамъ, другъ мой, своею болтовнею? Извините меня, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Но оставивъ это, скажу вотъ что:

Любезнѣйшій другъ! Вы изволите говорить и писать про книгу—(не знаю ея названіе), въ которой находятся темы для проповѣдей. Если можно достать ее, то постарайтесь, прошу васъ покорнѣйше. Деньги же пришлю всѣ вмѣстѣ. Если и для васъ требуются финансы: извольте написать, — служить для васъ сердечно радъ.

26 ноября на Покровскую почту посылаю 15 рублей сер., изъ нихъ 10 р. для васъ, а 5-ть руб. на покупку для меня книги и на уплату вамъ за прежнее... по полученіи сего письма нельзя ли будетъ хоть въ трехъ строчкахъ извѣстить меня!

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! будьте здоровы и благополучны“!

На другой-же день, 1-го декабря, успѣшилъ я отвѣтить на это дружеское посланіе и вотъ что писалъ:

„Спѣшу увѣдомить васъ о полученіи посланныхъ вами 15 р. сер. Не трудно понять, какъ много одолжили вы меня въ настоящемъ случаѣ: стоитъ только представить, съ одной стороны, крайнюю нужду, а съ другой—совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Господь да воздастъ вамъ своею милостію за сіе одолженіе до времени моего личнаго вамъ вознагражденія.

Съ настоящей же почтой отправляю вамъ въ Ярославль, при посредствѣ одного изъ моихъ товарищей, деньги для покупки требуемой вами книги. Не ручаюсь за скорое ея доставленіе: но и не замедлю, какъ скоро получу ее самъ.

Что до меня: то я, слава Богу, здоровъ и благополученъ. Работу по части курсоваго сочиненія на время отложили, занимаюсь теперь приготовленіемъ къ экзамену. Гдѣ и какъ провести приближающіяся святки, еще не рѣшено. Можетъ быть, если почувствую утомленіе въ силахъ, не падолго съѣзжу для освѣженія себя въ Переславль; а всего

вѣроятнѣе, кажется, останусь въ академіи для занятія 1849 г. окончательнымъ дѣломъ. Впрочемъ, какъ Богъ дастъ.

Вотъ наши новости: сегодня мы праздновали духовно и тѣлесно день ангела нашего великаго архипастыря, преосвященнѣйшаго Филарета. Духовное торжество наше на сей разъ было возвышено присутствіемъ викарія его, преосв. Іосифа, который пріѣхалъ въ послѣдній разъ поклониться преп. Сергію и принять его благословеніе на новые труды духовнаго дѣланія. Его назначили мѣстнымъ епископомъ въ Уфу. Вчера онъ изволилъ слушать всенощную въ нашей залѣ, а сегодня служилъ литургію и молебенъ о здравіи преосв. митрополита въ Троицкомъ соборѣ съ великою торжественностію, такъ что едва-ли когда случалось и самому митрополиту служить здѣсь такъ великолѣпно: пять архимандритовъ было при его служеніи. Всѣ душевно рады возвышенію этого достопочтеннаго архипастыря: но вотъ что сильно огорчаетъ насъ. На его мѣсто, слышно, представлень первымъ кандидатомъ нашъ о. ректоръ. Если это правда, — въ чемъ однакожь нельзя и сомнѣваться, судя по его отношеніямъ къ преосв. митрополиту, — если, говорю, возьмутъ отъ насъ такого добраго начальника: то признаюсь, крайне ощутительна будетъ для насъ эта утрата; не обинуясь можно сказать, что едва-ли кто другой въ состояніи будетъ вознаградить для насъ эту утрату. Впрочемъ, съ другой стороны, было-бы крайнею несправедливостію и не порадоваться отъ души, когда правительство возведеніемъ о. ректора на степень епископа воздастъ должную награду за его безпримѣрно-добрыя качества.

Если нѣтъ особенныхъ препятствій, почему-же, кажется, не воспользоваться вамъ приглашеніемъ Московскихъ вашихъ родныхъ? А изъ Москвы почему-бы не заѣхать и въ Богоспасаемую обитель преп. Сергія? Какъ-бы я радъ былъ видѣть васъ въ своей убогой кельѣ! Право, съ тѣхъ поръ, какъ вы оказали мнѣ такое радушное гостепріимство, которымъ я предъ всѣми моими родными хвалюсь, — во мнѣ родилось, сверхъ дружественныхъ отношеній, что-то родственное по отношенію не только къ вамъ, но и ко всему вашему семейству, и надѣюсь, что это чувство долго не изгладится въ моей душѣ.

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! Будьте здоровы и

1849 г. благополучны. Не забудьте и меня грѣшнаго въ вашихъ св. молитвахъ.

Остаюсь съ сердечною признательностію и совершенною къ вамъ преданностію Моск. д. акад. студентъ іеромонахъ Савва.

Всѣмъ знакомымъ моимъ прошу свидѣтельствовать мое усердное почтеніе“.

Среди частныхъ экзаменовъ предъ праздниками Р. Христова, 19-го и 20-го ч., даны были намъ для экспромптовъ, слѣдующія предложенія: 1) Num vera sit haec sententia: qui peccat, invitus peccat?—2) „Разсмотрѣніе повѣствованія Моисея о сотвореніи человѣка“.

19-го числа писалъ я въ Горицы о. Василию Сапоровскому:

„Пользуясь настоящею благопріятною окказіею и имѣя въ виду ваши неприятныя, хотя уже и минувшія, обстоятельства, ничѣмъ лучше не могу выразить и засвидѣтельствовать вамъ моего искренняго и сердечнаго участія въ постигшемъ васъ бѣдствіи, какъ принести вамъ въ даръ сію святую икону. Впрочемъ приношеніе мое примите вмѣстѣ и какъ благословіе самого угодника Христова преп. Сергія, къ св. мощамъ коего я полагалъ сію икону. Въ лицѣ сего свящ. изображенія, да благословитъ васъ угодникъ Божій благоуспѣшнымъ окончаніемъ созидація жилища вещественнаго, а наипаче да споспѣшествуетъ своими къ Богу молитвами созидацію и украшенію вашего храма душевнаго.

Если буду здоровъ и Господь благословитъ, располагаюсь въ будущую вакацію еще разъ и, можетъ быть, уже послѣдній,—посѣтитъ свою отчизну прежде, нежели удалюсь куда-нибудь, по распоряженію высшаго начальства, за тридевять епархій въ тридесатую семинарію. Но вотъ вопросъ: гдѣ имѣть пристанище? Ближайшее родство, наконецъ, пресѣклось. Но я увѣренъ, что и отдаленные родственники въ подобномъ случаѣ не откажутся замѣнить собою близкихъ родныхъ. Говоря это, имѣю въ виду собственно васъ. Вполнѣ увѣренъ, что вы не откажетесь дать мнѣ—будущему страннику кровъ и пристанище, думаю даже, судя по вашему всегдашнему ко мнѣ расположенію, что, если-бы я вздумалъ, въ случаѣ посѣщенія родины, имѣть квартиру гдѣ-либо кромѣ васъ, тѣмъ самымъ не мало-бы оскорбилъ

1849 I

васъ. Но не оскорбляю-ли васъ и теперь, если заранѣе напоминаю вамъ о гостепріимствѣ, въ которомъ несомнѣнно долженъ быть увѣренъ? Простите, если такъ: пишу объ этомъ не потому, чтобы сомнѣвался въ вашемъ ко мнѣ расположеніи, а потому, что иначе на сей разъ мнѣ не о чемъ было-бы почти и писать къ вамъ. У насъ такъ все обыкновенно, и жизнь моя такъ, повидимому, однообразна. что право затрудняешься сказать кому-бы то ни было что-либо новаго. Бываешь даже радъ, если испытываешь иногда какую-нибудь неприятность: все-таки возникнетъ въ душѣ новое, иногда довольно сильное ощущеніе; а безъ этого, при постоянномъ внутреннемъ спокойствіи и при утомительномъ однообразіи школьныхъ занятій, душа погружается не рѣдко въ какую-то мертвенную апатію. Особенно это бываетъ съ нашимъ братомъ въ пору, подобную настоящей, т. е. во время приготовленія къ экзаменамъ. Этотъ періодъ времени самый скучный въ академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трудный. Но всѣ, доселѣ бывшіе экзамены, почти ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой ожидаетъ насъ предъ будущей ваканціей. Этотъ экзаменъ весьма труденъ и самъ по себѣ, и еще болѣе потому, что къ концу академическаго курса силы студентовъ, какъ бы у кого крѣпки ни были, значительно слабѣютъ и изнемогаютъ. Но я утѣшаю себя словомъ Апостола, что сила Божія въ немощи совершается.

Поручая себя вашимъ св. молитвамъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію“...

21-го дек. писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троспольскому:

„Выраженіе въ послѣднемъ письмѣ вашемъ отъ 19-го апрѣля: „къ писанію принуждаться не нужно, а когда склонятся чувства, тогда они не уедчатъ излиться сами“, — какъ будто уполномочило меня не спѣшить отвѣтомъ на ваше крайне обязательное посланіе. Но я уже не слишкомъ-ли далеко расширилъ смыслъ этого выраженія? Не преступилъ-ли уже за границу позволеннаго, позволяя себѣ столь долговременное молчаніе? Не возбуждаю-ли, наконецъ, чрезъ это вашего сомнѣнія и подозрѣнія на счетъ моего къ вамъ неизмѣннаго расположенія и преданности? Ужели-же, до сихъ поръ, — могли вы не разъ, конечно, поду-

1850 г. мать, —ужели не могло возникнуть въ душѣ моего пріятели ни одного теплаго чувства, которое-бы двинуло его руку написать хоть нѣсколько строчекъ?—Было, много было случаевъ, почтенный мой благожелатель, когда воспоминаніе о васъ вызывало въ душѣ моей самыя живыя, теплыя чувства: но излить и запечатлѣть ихъ хартією и черниломъ препятствовали не разъ иногда довольно важныя, а иногда совершенно пустыя обстоятельства. Изъ всѣхъ случаевъ какъ болѣе приличный и благопріятный для изліянія моихъ предъ вами чувствованій—это былъ день вашего ангела; я уже принялся было за перо, чтобъ исполнить пріятный долгъ въ отношеніи къ вамъ, какъ вдругъ какое-то печальное обстоятельство (кажется, посѣщеніе г. Карасевскаго) воспрепятствовало мнѣ окончить начатое дѣло, между тѣмъ почтовый день миновалъ“.

На Рождественскіе праздники отправился я въ Переславль къ доброму и гостепріимному о. архимандриту Нифонту.

Наступилъ годъ, знаменательный въ моей жизни—годъ окончанія высшаго учебнаго поприща и вступленія на новое поприще—поприще общественнаго служенія.

Между тѣмъ, послѣдніе дни моего пребыванія въ академіи шли обычною чредой.

13-го января я писалъ въ с. Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Препровождая при семь вожелѣнную для васъ книгу, прошу извинить, что такъ долго заставилъ васъ томиться ожиданіемъ. Болѣе уже мѣсяца, какъ она получена мною изъ Ярославля; но вотъ какія обстоятельства не позволили мнѣ ранѣе переслать ее къ вамъ. Въ тотъ самый день, когда я получилъ эту книгу, посѣтилъ нашу келью о. инспекторъ; увидавши новую, доселѣ имъ невиданную книгу, онъ просилъ меня доставить ему оную для разсмотрѣнія. Не ранѣе, кажется, какъ чрезъ недѣлю книга возвратилась въ мои руки. Затѣмъ почелъ я нужнымъ отдать ее въ переплетъ, приказавъ изъ двухъ отдѣльныхъ книгъ составить одну. (Думаю, вы не будете претендовать на меня за это). Переплетчика я просилъ, какъ можно, поскорѣе переплести книгу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ представить ее вамъ въ видѣ сюрприза на праздникъ; но онъ почему-то не могъ удовлетворить моей просьбѣ. Между

тѣмъ настали святки. Частію по собственному произволу, 1850 г а болѣе по убѣжденію о. инспектора, я отправился въ Переславль на отдыхъ: а книга все-таки на моихъ рукахъ. Вотъ наконецъ, по возвращеніи изъ путешествія, первымъ долгомъ поставилъ для себя препроводить къ вамъ вашу собственность. Очень буду радъ, если рекомендованная мною книга доставитъ вамъ хоть нѣкую пользу въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія.

Что скажу вамъ о себѣ! Силы мои, въ теченіи минувшей трети порядочно утомившіяся, теперь снова освѣжились и значительно ободрились. Поѣздка въ Переславль очень благоприятно подѣйствовала на меня. Недѣли полторы провель я тамъ не только спокойно, но и весело. Каждый почти день имѣлъ случай видѣться и наслаждаться пріятною бесѣдой съ людьми учеными и почтенными. Неоднократно видѣлся съ о. ректоромъ Еввимиемъ; много разъ былъ у смотрителя духовныхъ училищъ; былъ во многихъ домахъ духовныхъ, свѣтскихъ и даже купеческихъ. Вездѣ принять былъ съ большимъ усердіемъ.

Возвратившись въ академію, я услышалъ здѣсь пріятныя новости. О. Леонидъ, добрый бакалавръ нашъ, переведенъ ректоромъ въ Виѣанскую семинарію на мѣсто о. Евгенія, переведеннаго въ Москву. О. инспекторъ нашъ возводится въ санъ архимандрита. О. ректоръ, за котораго мы такъ опасались, оставленъ пока при академіи. Прочее все по прежнему.

Привѣтствуя васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Остаюсь съ истинною къ вамъ преданностію Моск. д. ак. студ. іеромонахъ Савва“.

21-го янв. писалъ я къ товарищу и другу своему Гр. П. Быстрицкому, отправившемуся на святки на свою родину, въ Быстрицкій погостъ, Гороховецкаго уѣзда, и долго оттуда не возвращавшемуся въ академію:

„Что это ты дѣлаешь, mon cher! Ни самъ не ѣдешь, ни извѣстія о себѣ никакого не шлешь. О. инспекторъ почти сердится на тебя. Ему нужно было рапортовать митрополиту, и онъ крайне затруднился, какъ отозваться о тебѣ: отрапортовать больнымъ — нѣтъ основанія; сказать, что не явился, не извѣстно почему, — значитъ повредить тебѣ.—

1850 г. Итакъ, одно изъ двухъ: или рапортъ присылай, или самъ являйся скорѣе въ академію, но все-таки не безъ рапорта о болѣзни. Я давно намѣренъ былъ писать тебѣ, но все поджидалъ рапорта. Наконецъ вышелъ изъ терпѣнія.

Что—какъ дѣло дѣлается? Я думаю, на свободѣ—то много измаралъ бумаги. Отъ души радуюсь за тебя, что Богъ унесъ тебя изъ академіи на святки, а то пришлось бы, кажется потерпѣть не мало неприятностей. По обычаю, святки у насъ не прошли даромъ: случилось нѣсколько происшествій, и именно въ твоемъ номерѣ, самыхъ неприятныхъ. Не буду распространяться о нихъ: по приѣздѣ, подробно узнаешь. Но за то есть новости и пріятныя. О инспекторъ съ прошедшаго воскресенья — архимандритъ. О. Леонидъ то-же архимандритъ и ректоръ Виеанской семинаріи. На классъ Патристики переведенъ Ив. Ив. Побѣдинскій, а классъ Библейской Исторіи, которую онъ же пока будетъ читать, оставляется для нашего курса.

Послѣднюю половину святокъ и я провелъ въ гостяхъ. Былъ въ Переяславлѣ; провелъ тамъ время не только спокойно, но и весело, такъ что, возвратившись оттуда, съ немалыми усиліями могъ приняться за прежнюю работу. Впрочемъ и до сихъ поръ дѣла сдѣлалъ очень мало.

Теперь у насъ, слава Богу, все мирно и спокойно. Товарищи наши все здравствуютъ; послѣ праздничнаго отдыха все принялись за работу. Прощай, другъ мой! Будь здоровъ, и запасайся больше силами для окончанія труднаго поприща школьной жизни“.

4-го февраля получилъ я письмо изъ Перми отъ о. Стефана, онъ писалъ мнѣ:

„Я получилъ ваше письмо и вашъ подарокъ—книжку: *Дмитрій Ростовскій*, 3-го января 1850 г. Пріятнымъ долгомъ признаю засвидѣтельствовать вамъ мою благодарность за ваше благорасположеніе ко мнѣ.

Привѣтствую васъ съ новымъ годомъ. Желая вамъ всехъ благъ. Можетъ быть, я чрезъ два или вѣроятно три мѣсяца буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, потому что я просилъ уже Оберъ-прокурора Синода о томъ, чтобы мнѣ позволено было совершить путешествіе по святымъ Русскимъ мѣстамъ, и потомъ въ Константинополь и Иерусалимъ.